

“УТВЕРЖДАЮ”
Директор ФГБУН
Институт славяноведения РАН,

доктор истор. наук

Никиторов К.В. Никифоров

“26” февраля 2019 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации о диссертации РОНЬКО РОМАНА ВИТАЛЬЕВИЧА на тему «Номинативный объект в древнерусском языке и северорусских диалектах в ареальной и типологической перспективе», представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Диссертация Р.В. Ронько посвящена хорошо известной проблеме синхронной и исторической русистики — конструкциям с прямым дополнением в именительном падеже (номинативным объектом), представленным в древнерусском языке и в ряде современных русских диалектов. Несмотря на то, что данной проблеме был посвящён ряд работ, её нельзя считать полностью изученной ни с эмпирической, ни с теоретической точек зрения, и в этом смысле диссертация Р.В. Ронько несомненно является **актуальной**. В своей работе Р.В. Ронько ставит довольно амбициозную задачу — дать типологическую интерпретацию явлению номинативного объекта в свете активно развивающегося последние десятилетия направления, изучающего дифференцированное маркирование аргументов. Этим определяются несомненные **научная новизна и теоретическая значимость** работы. Для достижения поставленной цели Р.В. Ронько анализирует употребление номинативного объекта в древнерусских и старорусских памятниках и в русских диалектах по таким параметрам, как одушевлённость, определённость, коммуникативный статус, позиция относительно глагола и т.п. **Материалом** исследования Р.В. Ронько служат как памятники письменности и опубликованные его предшественниками диалектные данные, так и диалектные тексты, собранные и проанализированные самим автором в ходе диалектологических экспедиций. Не ограничиваясь анализом собственно русских данных, Р.В. Ронько сопоставляет их с материалом балтийских и прибалтийско-финских языков, а также со сходными конструкциями в ряде уральских и алтайских языков, что придаёт его исследованию типологическую перспективу и позволяет дополнительно подкреп-

пить выдвинутую ещё как минимум Б.А. Лариным гипотезу об ареальном характере конструкций с номинативным объектом.

Диссертация Р.В. Ронько состоит из Введения, трёх глав, заключения, благодарностей, списков сокращений и литературы и трёх приложений; общий объём диссертации невелик — всего 137 страниц. Во введении описываются объект, материал и методология исследования, его актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость, а также пять выносимых на защиту основных положений работы и её структура. Первая глава представляет собою обзор типологической и теоретической литературы по дифференцированному маркированию объекта (DOM). Помимо собственно обзора литературы данная глава перечисляет и обсуждает ряд типологически значимых параметров DOM, которые используются для анализа в последующих главах работы.

Центральное место в диссертации занимает вторая глава, посвящённая анализу конструкций с номинативным объектом в древнерусском языке и в севернорусских диалектах. Следует заметить, что название главы («Дифференцированное маркирование аргументов в древнерусском языке и севернорусских диалектах») явно слишком широко, т.к. целый ряд явлений, которые можно было бы отнести к дифференцированному маркированию аргументов, Р.В. Ронько не рассматривает — и вполне обоснованно, т.к. они не имеют отношения к основному объекту его исследования. Основное содержание главы составляет анализ различных конструкций с номинативным объектом в древнерусских и старорусских памятниках и в севернорусских и западнорусских (псковских) диалектных текстах по ряду типологически релевантных признаков, таких как одушевлённость, определённость, коммуникативный статус объекта, порядок слов и т.п. В ряде случаев Р.В. Ронько не ограничивается качественным анализом и приводит также количественные данные. Основным результатом рассмотрения конструкций с номинативным объектом в истории русского языка можно считать вывод о том, что сфера их употребления с течением времени расширялась, причём факторы неодушевлённости и нереферентности, способствовавшие выбору номинатива объекта в древнерусский период, позже утратили своё влияние.

В третьей главе диссертации Р.В. Ронько проводит ареально-типологическое сопоставление конструкций с номинативным объектом в русском ареале со сходными конструкциями в языках восточно-балтийского ареала (литовском, латышском, финском; называть этот ареал «циркумбалтийским», как это делает автор, всё же представляется ошибочным), а также с явлением неоформленного прямого дополнения в ряде уральских и алтайских языков. Основной вывод автора состоит в том, что несмотря на типологическое сходство явления номинативного объекта с широко распространённым в языках мира феноменом DOM, ряд общих нетривиальных черт конструкций с номинативным объектом в языках вос-

точнобалтийской зоны говорит в пользу ареального характера этого явления. Данный вывод вполне обоснован, что, однако, не позволяет считать его ни неожиданным, ни безусловно новым.

В заключении суммируются основные результаты работы. Список литературы и источников (они никак не разделены) включает около ста единиц на русском, английском и немецком языках. Приложения содержат диалектологические карты, перечень обсуждаемых в работе языков и подборку контекстов с номинативным объектом из диалектных материалов автора.

Диссертация Р.В. Ронько производит смешанное впечатление. С одной стороны, автор несомненно заслуживает похвалы за оригинальность постановки задачи — действительно, любая попытка включить материал традиционной русистики в более широкий типологический контекст и показать, в чём явления русского языка сходны с аналогичными явлениями других языков, а в чём отличаются от них, ценна и плодотворна сама по себе. Автором проделана немалая эмпирическая работа, в первую очередь это касается ввода в научный оборот собранных Р.В. Ронько современных диалектных данных. Немалый интерес представляет анализ конструкций с номинативным объектом в древнерусских и старорусских памятниках с точки зрения коммуникативной структуры предложения — пусть даже методология этого анализа, основанная на идее об универсальности позиции акцентоносителя, не всегда бесспорна. Без сомнения ценны подкреплённые эмпирическими данными выводы диссертанта о путях развития конструкций с номинативным объектом в истории русского языка. В этом смысле новизна, оригинальность и теоретическая значимость результатов диссертации Р.В. Ронько не вызывают сомнений.

С другой стороны, уже отмеченная краткость диссертации при ближайшем рассмотрении оказывается источником многих её довольно серьёзных недостатков, о которых пойдёт речь ниже. В целом работа производит впечатление написанной наспех и не слишком аккуратно, причём с точки зрения как формы текста, так и его содержания.

Во введении описание теоретической базы и методов исследования (с. 5–6) слишком тезисно; нигде не сообщается, каков общий объём рассмотренного материала, а сами количественные данные приводятся в работе недостаточно последовательно (об этом подробнее пойдёт речь ниже). Не вполне корректна формулировка одной из задач исследования: «описание алгоритма выбора падежа» (с. 5). Употребление термина «алгоритм» здесь и, например, в заключении главы 2 на с. 71 предполагает, что выбор падежа объекта строго детерминирован, однако в эмпирических главах работы описываются лишь статистические тенденции, а не чёткие правила, поэтому говорить об «алгоритме» ни в каком точном смысле этого слова нельзя. Более того, анализ «алгоритма выбора падежа» предполагал бы чёткое описание условий появления не только именительного, но и вини-

тельного падежа объекта, но сколько-нибудь систематических и подкреплённых статистикой наблюдений о факторах, способствующих аккузативному маркированию, в диссертации не содержится. Наконец, при такой формулировке остаётся неясным, какое отношение к заявленной конкретноязыковой задаче имеют типологические данные, и по крайней мере очевидно, что для достижения этой цели «сравнение полученных данных с данными современной типологии» (с. 5) необходимым вовсе не является.

Производимый в первой главе диссертации обзор литературы весьма фрагментарен и не всегда последователен; остаётся неясным, на какие из излагаемых подходов намерен опираться автор в основной части своей работы. В главе нет никакого обобщения обсуждения DOM, которое по неясной причине внезапно прерывается разделом о дифференцированном маркировании субъекта, также обрывающимся без какого-либо чёткого вывода. Заключительный раздел главы (о типологических классификациях) следовало бы отнести к началу обсуждения. Обзор литературы при этом нельзя признать полным: в нём не учтены, например, недавние работы Дж. Иеммоло о типологии DOM, равно как и работы Б. Бикеля и его группы о дифференцированном маркировании аргументов. Никак не учитывается критика «дискриминаторного» подхода к DOM, неоднократно высказывавшаяся с самых разных работах начиная с 1980-х годов. При обсуждении финского материала на с. 21 не упоминаются работы, в которых обоснованно выдвигается точка зрения, что в финском языке номинатив объекта возможен лишь в тех конструкциях, где не может номинативного субъекта, иными словами, непосредственным фактором является синтаксический, а не морфологический; более того, в работе не учитывается вообще никакая классическая и современная литература о падежном маркировании в прибалтийско-финских языках, кроме монографии А. Тимберлейка, даже статья Ф.И. Рожанского из сборника, одним из редакторов которого был сам диссертант. На с. 12–13 автор некритически воспроизводит идею о том, что генитив субъекта в русском языке маркирует лишь те подлежащие, которые соответствуют внутреннему аргументу глагола, хотя давно было показано, что это эмпирически неверно и описательно неадекватно, так что называть это «правильным обобщением» по меньшей мере опрометчиво. Объявляя себя приверженцем «функционализма» (с. 13), автор пишет, что «[з]адача функциональных описаний дифференциированного маркирования прямого дополнения – объяснить семантическую мотивацию данного варьирования». Это, однако, неверно, т.к. поиск семантической мотивации совместим и с формальными подходами (ср. хотя бы классическую работу Б. Левин и М. Раппапорт-Ховав о семантических основаниях явления неаккузативности). Отличие функционального подхода состоит в том, что он ищет объяснение языковых явлений в обстоятельствах функционирования языка, т.е. вне рамок языковой системы, и, среди про-

чего, вместо чётких «алгоритмов» предполагает скорее статистические модели.

Анализ русского материала во второй главе диссертации в ряде случаев представляется недостаточным. Так, на с. 34–35 не приводятся примеры, подтверждающие тезис, что «[в] рассматриваемой конструкции существительные, зависимые от инфинитива, должны быть нереферентными, слабоопределенными или неопределенными для говорящего»; не сообщается, какую долю от всех рассмотренных примеров составляют примеры с указанным референциальным статусом объекта; неясно, исчерпывающ ли список примеров-исключений. То же самое касается и признака одушевлённости. В целом этот раздел выглядит куда менее убедительно, чем раздел о порядке слов, где приводятся как богатый материал, так и количественные данные. На с. 49 при анализе старорусского материала автор утверждает, что «доля найденных референтных и одушевлённых контекстов значительно больше, чем в разобранных текстах древнерусского периода», однако не подкрепляет этот тезис количественными данными. При анализе диалектного материала на с. 57, приводя статистику о доле тех или иных классов существительных среди конструкций с номинативом объекта, нужно было также привести аналогичные данные о том, как часто в тех же конструкциях те же классы существительных выступают в винительном падеже; без этого приведённые числа малопоказательны. То же самое касается и анализа других факторов, например, коммуникативной структуры на с. 64. Собственно, автор нигде не сообщает, в каких из рассматриваемых конструкций номинатив объекта является обязательным, а в каких конкурирует с аккузативом. Странно приписывать преобладание препозиции номинативного объекта его «возможной прошлой субъектности» (с. 60–61) — ведь, как показывает автор, для аккузативных объектов в диалектном подкорпусе НКРЯ это преобладание является почти столь же сильным, особенно при финитных глаголах. Наконец, диссиденту следовало бы отдельно остановиться на номинативном объекте при финитных глаголах и более подробно проанализировать свойства этих конструкций, являющихся наиболее «экзотическими» из всех рассмотренных, и попытаться выявить факторы, способствующие нестандартному падежному маркированию объекта при личных формах.

Немало вопросов вызывает и типологическая третья глава диссертации. Так, некорректно говорить о том, что языки так наз. циркумбалтийского ареала «объединены рядом фонетических и морфосинтаксических изоглосс» (с. 74) — изоглосс, общих для всех или даже большинства языков этой географической области, нет, и этот факт подробно обсуждается в цитируемом автором сборнике под редакцией Э. Даля и М. Копчевской-Тамм. Другое дело, что, как уже было сказано, реально в диссертации анализируется лишь восточная часть этого ареала, применительно к которой термин «изоглосса» действительно корректен. Существенным недостатком

ареально-типологического рассмотрения конструкций с номинативным объектом является то, что Р.В. Ронько не привлекает материала никаких прибалтийско-финских языков, кроме финского. Перечисляя работы, исследующие финно-угорское влияние на славянские языки, автор упускает из виду недавнюю монографию Я.В. Мызниковой «Русско-прибалтийско-финские языковые контакты и их отражение в области диалектного синтаксиса» (СПб., 2014). Некорректна ссылка на работу Аркадьева при упоминании партитивного генитива (с. 75), поскольку как раз партитивный генитив в этой работе не рассматривается. Обзор параметров языковых контактов и происходящих при них процессов (с. 75–76) слишком краток и не учитывает ни значительного объёма релевантной литературы, ни реальных сложности и многообразия соответствующих явлений; также остаётся неясным, как факт островного распространения финно-угорских языков связан с их возможным влиянием на русские диалекты. Утверждение на с. 77, будто в литовском номинативный объект может зависеть от финитной формы глагола, неверно; пример (159) проанализирован некорректно, в нём от финитной формы глагола зависит инфинитивный оборот, в составе которого имеется номинативный объект. На с. 78 не вполне корректно передана приведённая в статье И. Сержанта статистика о порядке слов в конструкциях с номинативным объектом в литовском — Сержант приводит данные лишь по одному типу конструкций (а именно, с глаголами восприятия), которые нельзя экстраполировать на все такие конструкции. Напротив, в упоминаемой диссертантом более ранней работе С. Фрэнкса и Дж. Лавайна (не использующей, правда, корпусных данных и количественного анализа) сообщается о предпочтении в таких конструкциях обратного порядка слов. Данные латышского и финского языков приводятся на с. 80–82 настолько кратко и тезисно, что остаётся неясным, зачем они вообще нужны, и в связи с этим не кажется оправданным «промежуточный вывод» автора на с. 82, что «в рассмотренных языках сходно действуют факторы-лицензоры дифференцированного маркирования объекта». Более подробного и убедительного обоснования, как кажется, требует утверждение автора на с. 82, что типологической параллелью к конструкциям с номинативным объектом служит явление асимметричного DOM — ведь номинатив в русском языке далеко не всегда немаркирован.

Неудачно, что в разделе 3.2 автор почти не приводит конкретных примеров из рассматриваемых языков (так, нет ни одного примера из марийского, мордовского, удмуртского языков), а примеров, которые всё же приводятся, явно недостаточно для иллюстрации тезисов диссертанта. В перечне работ о DOM в тюркских языках (с. 89) отсутствует целый ряд классических работ (М. Энч, Л. Юхансона и др.). Неясно, куда отсылают ссылки «пример 4», «пример 5», «пример 6» при описании татарского DOM на с. 90, а весь этот пассаж представляет собою некорректно оформленное текстуальное заимствование из статьи Е.А. Лютиковой («Падеж и

структурой именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка» // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2014. № 4, с. 54). Явно ошибочно утверждение автора на с. 98 о том, что при номинативном/неоформленном объекте «в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках порядок слов VO» — такой порядок слов в указанных языках обычно вообще не допускается; по-видимому, речь идёт о контактной препозиции дополнения к глаголу. Неверно изложено описание факторов выбора падежа в луговом марийском на с 85: «Родовые и неопределённые ИГ склонны иметь показатель аккузатива, определённые же имеют тенденцию получать падежное маркирование» — на самом деле родовые и неопределённые ИГ склонны оставаться неоформленными.

В диссертации имеется целый ряд неясных или некорректных формулировок, иногда существенно затрудняющих восприятие текста. На с. 8 не расшифровывается сокращение DOM, на с. 9 неуместна номинация «автор» по отношению к самому себе, на с. 15 неудачно смешение терминов «(не)выражено» и «(не)маркировано», на с. 15 упоминается «более поздняя» работа Комри, но ссылка даётся на ту же работу, что цитировалась перед этим, на с. 35 не объясняется внезапно возникающий термин «фильтр», на с. 40 ошибочна ссылка к словоформе дат. п. ед. ч. м. р. *древяноу* в примере (25), на с. 46 либо упоминаемая статья (Котков 1969) отсутствует в списке литературы, либо ссылка ошибочна вместо (Котков 1959); на с. 46–50 в старорусских примерах следовало выделить релевантные фрагменты, а по крайней мере некоторые из них снабдить переводом на современный русский, а на с. 48 примеры «с зависимым инфинитивом при предикативном наречии *мочно*» пропущены и помещены в один ряд с конструкциями при отрицании; наконец, пример (102) на с. 50 с гипотетическим номинативом объекта при финитной форме неясен и требовал бы более подробного грамматического комментария и перевода; сокращение «ПД» (прямое дополнение) появляется на с. 83, но расшифровывается лишь на с. 87. Следующие пассажи остаются как минимум непонятными: «Следовательно, мы имеем дело не с противопоставлением двух наборов факторов, закреплённых за субъектом и объектом, и нуждаемся в какой-то объяснительной теории» (с. 14); «имперфективной или хабитуальной стадии» (с. 21); «[д]ифференцированное маркирование субъекта в широком смысле понимается как наличие разных падежей, по-разному согласующихся или возникающих в разных позициях» (с. 24); «описание процедуры референциального статуса» (с. 34); «[п]онятие языкового сдвига восходит к понятию субстратной интерференции» (с. 76); «[м]аркирование правых элементов на шкале одушевлённости» (с. 92); «фактором отсутствия наличия падежного маркирования» (с. 99).

Имеются многочисленные технические ошибки, и в целом диссертация оформлена весьма неаккуратно. Начнём с того, что оглавление неточ-

но отражает реальную структуру работы (напр., в нём нет раздела 1.2.7). Определение референтности в начале раздела 2.1.4 на с. 34 буквально повторяет таковое в разделе 1.2.3 на с. 18. Глоссированные примеры как правило не выровнены, передача примеров, заимствованных из чужих работ, не всегда корректна; неверно глоссирование литовского примера (160) на с. 77 и вызывает очень большие сомнения облик финских примеров (166)–(168), заимствованных из работы А. Тимберлейка. Оторваны заголовки разделов 2.1.4 и 2.3.5, а также заголовок таблицы 24 на. 97–98. Разорванные таблицы 16 на с. 79–80 и 21 на с. 95–96 воспринимать практически невозможно. В списке литературы нарушаются алфавитный порядок (Ковтунова — Котков — КONOШЕНКО, Arkadiev — Ambrasas — Asher), наблюдается непоследовательность и неаккуратность оформления ссылок.

Встречаются многочисленные опечатки и пунктуационные ошибки, например, «псковской области» (с. 69), «возрасло» (с. 71), «Номинативный объект, как ареальное явление» (заголовок раздела 3.1, с. 3, 74), «Serjant» вместо «Seržant», «2015» вместо «2016» (с. 77–79), «Lietoviu» вм. «Lietuvic» (с. 107) и многие другие.

Автореферат и публикации отражают основное содержание диссертации. Несмотря на все высказанные замечания и общее неоднозначное впечатление от работы, мы заключаем, что диссертация Р.В. Ронько «Номинативный объект в древнерусском языке и северорусских диалектах в ареальной и типологической перспективе», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, является оригинальным и самостоятельным научно-квалификационным сочинением, обладающим несомненными новизной и значимостью, и отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям в соответствии с пунктами 9–14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого в новой редакции Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор Роман Витальевич Ронько заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Отзыв составлен старшим научным сотрудником Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН кандидатом филологических наук Петром Михайловичем Аркадьевым и обсужден на заседании Отдела 26 февраля 2019 г.

Протокол № 40 от 26 февраля 2019 г.

Ученый секретарь Отдела типологии и сравнительного языкознания
кандидат филологических наук

К.А. Кожанов